

ПАМЯТИ ПРОФ. Г. И. ЧЕЛПАНОВА

Скончавшійся въ Москвѣ 14 февраля с. г. проф. Георгій Ивановичъ Челпановъ былъ хорошо извѣстенъ русскому обществу, какъ выдающійся преподаватель философскихъ дисциплинъ, какъ авторъ популярныхъ книгъ («Мозгъ и душа», «Введеніе въ философію и т. д.), наконецъ, какъ признанный глава русской психологической школы, создатель единственнаго въ Россіи Психологическаго Института при Московскомъ университетѣ. Но не только въ широкихъ кругахъ русскаго общества, но даже и въ тѣсномъ кругу русскихъ ученыхъ и философовъ Г. И. Челпанова цѣнили преимущественно, какъ педагога, какъ руководителя образцовыхъ философскихъ семинаровъ — и мало знали философское творчество Г. И. Отчасти въ этомъ былъ виноватъ и самъ Г. И., который такъ и не опубликовалъ многого изъ того, что сложилось у него въ теченіе его продолжительной дѣятельности. У покойнаго Г. И. была особая скромность въ области философіи — онъ любилъ вынашивать свои идеи и всегда относился отрицательно къ тѣмъ, кто торопливо и поспѣшно опубликовывалъ свои философскіе взгляды, не давъ имъ созрѣть. Такъ, по одному поводу въ частной бесѣдѣ Г. И. сталъ развивать мнѣ нѣкоторыя метафизическія идеи (въ духѣ лейбниціанства), но самъ же скоро оборвалъ эту бесѣду... Въ Г. И. жилъ *изслѣдователь* въ области философіи. Это особенно знали въ немъ участники его замѣчательныхъ философскихъ семинаровъ. Мы всѣ, ученики Г. И., всегда поражались тому, съ какимъ вниманіемъ, съ какой добросовѣстностью изучалъ онъ произведенія даже чуждыхъ ему мыслителей (напр., Авенариуса). Пожалуй, философское творчество Г. И. было отчасти придавлено типичнымъ для его эпохи *гносеологизмомъ*, — недаромъ онъ такъ много и тщательно занимался вопросами гносеологіи и опубликовалъ (кромѣ 2-го тома книги «Проблема воспріятія пространства») столько превосходныхъ этюдовъ, посвященныхъ обзрѣнію и анализу различныхъ

течений въ гносеологіи. Его собственная гносеологическая позиція (телеологическій критицизмъ въ духѣ Виндельбанда и Зигварта) была лишь частично выражена Г. И. въ его книгѣ и этюдахъ. Я всегда ощущалъ у Г. И. превосходныя данныя для широкаго и всеобъемлющаго синтеза не только въ гносеологіи, но и въ метафизикѣ, но бремя гносеологизма тяжело давило на его творчество и сдерживало его. И вмѣстѣ съ тѣмъ у Г. И. всегда жилъ глубокой интересъ къ метафизикѣ — онъ постоянно читалъ новыя книги по метафизикѣ. Черезъ психологію, которой Г. И. отдалъ свои лучшія силы, онъ постоянно *приближался* къ темамъ метафизики; пожалуй его болѣе всего привлекала идея «индуктивной метафизики», какъ ее строилъ Эд. Гартманъ.

Г. И. Челпановъ былъ, конечно, прежде всего философъ, а потомъ уже психологъ. Именно это ставило его головой выше тѣхъ изслѣдователей въ сферѣ психологіи, которые шумно и торопливо дѣйствовали тогда (вся школа А. П. Нечаева въ Петербургѣ, проф. Россолимо въ Москвѣ, школа так наз. «объективной психологіи» акад. Бехтерева). Г. И. боролся съ научнымъ легкомысліемъ и поверхностностью этихъ течений — съ исключительной энергіей. Онъ защищалъ здѣсь интересы не только болѣе углубленнаго подхода къ вопросамъ психологіи, но и *интересы философіи*. Кстати сказать, будучи самъ первокласснымъ психологомъ, Г. И. всегда и во всемъ былъ противникомъ психологизма, который вообще есть «дѣтя дурной психологіи». Съ «дурной» психологіей Г. И. боролся во имя той *Tiefenpsychologie*, которая уже послѣ войны стала торжествовать въ наукѣ, — но онъ боролся съ «дурной» психологіей, и какъ съ проявленіемъ философскаго невѣжества. Въ этой борьбѣ, которой Г. И. отдавался со всѣмъ пыломъ, онъ одержалъ, безусловно, побѣду — и когда ему удалось, благодаря щедрому пожертвованію И. И. Щукина, создать Психологическій Институтъ, онъ былъ уже признаннымъ главой русской психологической школы.

Будучи ученымъ строгимъ и крайне осторожнымъ, Г. И. всегда былъ чуждъ позитивизму и даже такъ наз. полупозитивизму. Это особенно ясно сказывалось въ трактовкѣ имъ проблемъ этики. Въ частныхъ бесѣдахъ и отчасти въ работахъ философскаго семинара изрѣдка прорывалась у Г. И. твердая безоговорочная склонность къ идеализму въ сферѣ этики. Однако и здѣсь прививка гносеологизма давала себя чувствовать очень сильно у Г. И., — его занимали въ первую очередь вопросы о природѣ этического акта, о соотношеніи этическихъ и познавательныхъ сужденій. Въ духовномъ складѣ Г. И. была вообще поразительная *честность* (что и опредѣляло его большую осторожность и сдержанность при формулированіи

тѣхъ или иныхъ философскихъ положеній). Эта честность, эта духовная правдивость съ самимъ собой, не мѣшая его широтѣ, его педагогической заботливости и вниманія, опредѣляли его моральные взгляды на конкретныя проблемы жизни. — Что сказать объ отношеніи Г. И. къ религіозной проблемѣ? Въ этихъ вопросахъ, насколько я могу судить, Г. И. былъ особенно сдержанъ, я бы сказалъ цѣломудренъ, но зная личное мое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, онъ много разъ выражалъ мнѣ чрезвычайное духовное удовлетвореніе моимъ поворотомъ къ религіи. Это не было только вѣжливостью. Со стороны Г. И., не было только его дружескимъ вниманіемъ (которое, кстати сказать, Г. И. умѣлъ проявлять съ исключительной теплотой — думаю, ко всѣмъ своимъ ученикамъ). Но послѣ смерти жены Г. И. мнѣ пришлось выслушать отъ него нѣсколько мыслей на тему о безсмертіи души, дышавшихъ такой глубокой убѣжденностью.

Философія есть «любовь къ мудрости», она движется эросомъ — исканіемъ вѣчнаго и безусловнаго. Этого эроса, этой крѣпкой и творческой любви къ истинѣ — жертвенной и настойчивой — была всегда исполнена душа Г. И.; въ немъ былъ настоящій философскій пафосъ — и здѣсь надо искать разгадки того, почему Г. И. былъ такимъ замѣчательнымъ педагогомъ въ философіи — т. е. въ той области, въ которой такъ мало мѣста для всякаго педагогизма. Конечно, Г. И. обладалъ исключительнымъ педагогическимъ чутьемъ, умѣніемъ привлекать молодежь и помогать каждому найти свой путь.

Но къ педагогическому дарованію Г. И. присоединялась и другая сила, которая глубоко дѣйствовала на всѣхъ его учениковъ — его собственная неутолимая жажда истины. Работая съ учениками и для нихъ, Г. И. всегда искалъ отвѣтовъ на поставленные вопросы — и для себя — и отъ этого исходили тѣ излученія, которыя загорались отвѣтнымъ огнемъ въ его ученикахъ.

Послѣдніе годы жизни Г. И. были отравлены тѣмъ, что его отстранили отъ Психологическаго Института — и главное тѣмъ, что одинъ изъ его ближайшихъ учениковъ (Корниловъ) сталъ проводникомъ вульгарнѣйшаго изъ современныхъ теченій въ психологіи такъ называемаго бихевиоризма. У меня имѣется на рукахъ нѣсколько брошюръ, выпущенныхъ уже въ 20-е годы Г. И.-чемъ, гдѣ онъ борется съ вульгаризаціей въ психологіи, которая какъ бы хоронила все то, что съ такимъ трудомъ завоевывалось Г. И.-чемъ. Горько было сознавать и то, что лучшіе ученики Г. И. были отстранены отъ работы, разсѣялись по провинціи, что одинъ изъ его бывшихъ учениковъ, несомнѣнно талантливый, но не удержавшійся на уровнѣ серьезной философіи (П. П. Блонскій) сталъ, въ первое время

совѣтскаго режима, организаторомъ педагогическаго дѣла и вдохновителемъ совѣтской педагогики... Нынѣ онъ ушелъ въ другой мѣръ, такой же чистый и незапятнанный, какимъ былъ всегда.

Когда для Россіи вновь вернется возможность свободнаго философскаго творчества, вновь возстанетъ философская культура, имя Г. И. Челпанова, какъ неутомимаго борца и дѣятеля философской культуры, будетъ всегда поминаться съ любовью и благодарностью.

В. В. Зѣньковскій

ПАМЯТИ ГЕОРГІЯ ИВАНОВИЧА ЧЕЛПАНОВА

Печальная вѣсть о смерти Георгія Ивановича Челпанова, съ которымъ меня связывали старыя дружественныя отношенія, вызываютъ во мнѣ воспоминанія моей юности. Г. И. былъ первымъ философомъ, котораго я въ жизни встрѣтилъ и съ которымъ много бесѣдовалъ на философскія темы. Онъ былъ молодымъ приватъ-доцентомъ Кіевскаго университета, читалъ необязательный курсъ, посвященный критикѣ матеріализма, при переполненной аудиторіи. Потомъ изъ этого курса вышла его книга «Мозгъ и душа». Я былъ юнымъ студентомъ, марксистомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонникомъ идеалистической философіи. Я почти никакихъ курсовъ въ Университетѣ не слушалъ, но часто ходилъ на курсъ Г. И. Челпанова о матеріализмѣ. Онъ былъ прекрасный лекторъ. Я очень сочувствовалъ критикѣ матеріализма. Научно-философская критика матеріализма въ то время была большой заслугой Г. И. Она была бы не меньшей заслугой и въ настоящее время въ Россіи. Я скоро познакомился съ Г. И. и сталъ часто бывать въ домѣ Челпановыхъ. У нихъ были журфики по субботамъ. Домъ ихъ въ Кіевѣ былъ интеллектуальнымъ центромъ. Жена Г. И. была очень талантливая женщина. Тамъ многіе бывали — Л. Шестовъ, В. В. Водозовъ, А. М. Лазаревъ, немного позже С. Н. Булгаковъ, ставшій профессоромъ Кіевскаго политехническаго института. Мнѣ много давали философскія бесѣды съ Г. И. Челпановымъ. Мы принадлежали съ Г. И. къ разнымъ типамъ, онъ былъ «пастухомъ» въ философіи, я былъ «разбойникомъ» въ философіи (противоположеніе этихъ типовъ принадлежитъ Ницше). Но у Г. И. была широта и разнообразіе